

го мира, учитывая параллель в речи Сумбеки между походами варваров против Рима и действиями казанских воинов:

«О мужи храбрые! — она вещает им, —
От коих трепетал и Греция и Рим,
Которы именем Чингиса и Аттилы,
Явили страшными свои народам силы. »

Такое поэтическое истолкование Казани как нового восточного Рима имеет многочисленные идейные и исторические подтексты. Идея о культурном расцвете города, о его растущей роли в екатерининской России, империи азиатского измерения, подчеркивает важную роль Российской империи как религиозного и культурного катализатора в ареале. Одновременно Казань, город освобожденный от мусульманского ига, соотносима с Византией, с городом Константином, освобождение которого стало задачей русских армий екатерининского времени. Вспомним, что первое эпическое сочинение Хераскова, «Чесмесский бой» (1771), — посвящено славной победе русского флота во время русско-турецкой войны (1768—1774).

Итак, образ Казани объединяет образы Рима и Византии, великий подвиг Иоанна Васильевича, русской знати и всего русского народа — это как бы пример и предсказание будущего освобождения Византии и, следовательно, полного осуществления универсалистской «третьеримской» миссии Московии.

Такой провиденциальный характер образа Казани и ее взятия имеет традиционную историческую основу, которая, как увидим, обуславливает поэтический выбор Хераскова. в частности, ориентир на «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо.

Дело в том, что взятие Казани — это не просто завоевание, а освобождение города, чей образ и символика тесно связаны с провиденциальными и историсофскими взглядами русского религиозного универсализма. Интересное подтверждение этому можно найти в первую очередь в главном историческом источнике о взятии Казани, т. е. в «Казанской истории», которая лежит в основе сюжета эпической поэмы Хераскова.⁸

Как мы знаем, «Казанская история» имеет своей предысторией «начало царства при Иване Грозном в эпоху падения и поруганности Царьграда».⁹ Известно также, что Казанский летописец — сторонник идеи о Москве — третьем Риме и о последнем царстве в чисто эсхатологическом духе. Как показала М. Плюханова, прославление Москвы на фоне противопоставления мусульманскому миру развивается в компилятивном тексте при странной противоречи-

⁸ См. Сидорова Ю. Н. «Россияда» М. М. Хераскова и «Казанская история» // Литература Древней Руси М., 1975. Вып. 1. С. 97—104.

⁹ Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства СПб., 1995. С. 177.